

УДК 34 (09)

**СОЗДАНИЕ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА****Д.А. Савченко**Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: s-d-63@mail.ru

Статья посвящена созданию Соборного уложения 1649 г. как важному элементу социально-политической и юридической модернизации отечественного государства, осуществленной в середине XVII в. Анализируются его исторические предпосылки и источники. Особое внимание уделяется системе Уложения и его первым главам. Создание Уложения представляет собой пример сочетания новаторства и консерватизма, использования опыта передовых иностранных государств с учетом национальных особенностей при опоре на отечественные традиции.

Ключевые слова: модернизация законодательства, юридическая техника, традиции, Соборное уложение, исторический опыт.

**THE MAKING OF COUNCIL CODE:
HISTORICAL EXPERIENCE OF MODERNIZATION
OF NATIONAL LEGISLATION****D.A. Savchenko**Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: s-d-63@mail.ru

The article is dedicated to the making of 1649 Council code as an important element of socio-political and juridical modernization of home state performed in the middle of the 17 century. Its historical background and sources are analyzed. Much attention is given to the system of the Code and its first chapters. The making of the Code is an example of combination of innovation and conservatism, use of experience of advanced foreign states with regard to national features relying on home traditions.

Key words: modernization of legislation, legal technique, tradition, Sobornoe ulozhenie, historical experience.

1. К середине XVII в. в России стала все сильнее ощущаться потребность в реформах, призванных модернизировать экономическую, религиозную, военную и другие сферы жизни Московского царства. Общее стремление к модернизации проявилось и в юридической сфере. Важнейшим событием стала реформа законодательства, связанная с созданием особого систематизированного акта – Соборного уложения.

Уложение было подготовлено через три года после вступления 13 июля 1645 г. на московский престол 16-летнего царя Алексея Михайловича Романова. Молодой царь был представителем поколения, которое, как писал В.О. Ключевский «нужда заставила посматривать на еретический Запад в чаянии найти там средства для выхода из домашних затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благочестивой старины». Царь

Алексей сочетал в себе качества «верного старине древнерусского человека с склонностью к полезным и приятным новшествам». [5, с. 138–140].

Важными чертами характера Алексея Михайловича были его религиозность, стремление к порядку и уважительное отношение к образованности и культуре. Царь много читал, был ревностным исполнителем церковных обрядов и, по выражению Н.Ф. Каптерева, убежденным «грекофилом», желал установить полное обрядовое согласие русской церкви с греческой [4, с. 35–40]

Царь любил видеть во всем вокруг себя порядок, гармонию, «чин». «Без чина, – говорил он, – всякая вещь не утвердится и не укрепится». Отмеченные черты личности царя Алексея Михайловича Романова создавали благоприятные условия для решения назревшей задачи по «приведению в порядок», систематизации московского законодательства.

В то же время в условиях, сложившихся к середине XVII в. в Московском государстве, систематизация законодательства не могла означать и его модернизацию. Ведь в процессе систематизации неизбежно выявляются пробелы, требующие устранения, и коллизии, нуждающиеся в разрешении. Это порождает необходимость создания новых правовых предписаний. Да и сам создаваемый систематизированный акт представлял собой новую форму права. При этом самостоятельными, требующими своего ответа, становились вопросы о структуре этого нового акта, последовательности расположения и наименовании его составных частей.

Систематизация законодательства стала одним из тех нововведений, которые, по словам В.О. Ключевского, «идут прерывистым рядом с первого царствования новой династии до конца века». При этом в жизни Московского государства отмечались два взаимосвязанных направления: «московские государственные люди XVII в. ...сознавая несоразмерность наличных средств с задачами, ставшими на очередь... сначала ищут новых средств в старых домашних национальных источниках,... чинят и достраивают или восстанавливают порядок, завещанный отцами и дедами. Но, замечая истощение домашних источников, они хлопотливо бросаются на сторону, привлекают иноземные силы ... а потом опять впадают в пугливое раздумье, не зашли ли слишком далеко в уклонении от родной старины, нельзя ли обойтись своими домашними средствами, без чужой помощи. Эти направления, сменяясь одно другим,.. идут некоторое время рядом» [6, с. 120–122].

В то же время, как отмечал С.М. Соловьев, «чем яснее осознавалось печальное экономическое состояние Московского государства, чем печальнее были меры, которые правительство должно было принимать, чтобы как-нибудь извернуться для удовлетворения первой потребности государства, потребности внешней защиты, тем сильнее должно было становиться стремление правительства к сближению с богатыми и сильными государствами западноевропейскими, к перенятию от них того, что делало их богатыми и сильными» [15, с. 601].

Это стремление проявлялось, в частности, в сфере военного дела и организации войска. Здесь активно использовался западный технический, технологический и управленческий опыт. Одной из форм такого заимствования стали переводы иностранных воинских уставов и наставлений. Переведенные источники редактировались и систематизировались примени-

тельно к потребностям Московского государства. Так, еще в 1607 и 1621 гг. на основе выборки из «иностранных военных книг», вероятно, французских, немецких и литовских¹, был подготовлен «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» [22]. В 1647 г. был издан перевод немецкого руководства по тактике «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей»².

Отдельные положения подготовленных документов специально касались юридических вопросов, связанных с отправлением правосудия в войсках. Показательно, что красной нитью здесь проходит идея о необходимости принятия решений на основе особой книги, в которой систематизировано действующее законодательство. Так, в части I «Устава ратных, пушечных и других дел...» был особо выделен пункт 18, озаглавленный «Указ о чину приказу большаго Чиначальника». В нем, в частности, говорилось: «...подобаает большому Маршалке... челобитчиком... выслушати... и будет какие великие дела объявлять, и ему призывати голов и иных разумных люда, и держаша у себя книгу, именуемую по Француски ле Дроа, а по Немецки Спекулюм Саксоници юрис, а по Польски и по Литовски Статут, а по Руски судебник. А что он учнет по той книге делати и против того ни кому встречно, некрамолити ни чево».

Обобщив зарубежный опыт, составитель Устава полагал, что наличие упомянутой книги является закономерностью, проявляющейся в передовых европейских государствах. А осуществление правосудия в войсках на основе такой книги расценивается как необходимый элемент правильной организации рассмотрения споров и ценный опыт, который следует применять и в России. Для Московского государства, в котором на практике ведущим источником права по традиции был, по словам Д. Флетчера, «закон изуственный, т.е. воля царя, судей...» [23, с. 61], идея о приоритете писаного законодательства, т.е. нормативных правовых актов, была отражением стремления к внедрению новых подходов к разрешению юридических дел, своеобразной новой «юридической технологией».

Вместе с тем примечательно, что составитель Устава не отделял Россию от других европейских государств (Франции, Германии, Речи Посполитой) и при этом не видел различий в содержании применяемых в разных странах судебных актов. По его мнению, право едино, оно опирается на общие естественные принципы и разумные основания. Различаются только наименования книг, где юридические нормы закреплены.

С другой стороны, в тексте Устава обращено внимание на особую значимость для поддержания порядка в войсках и предотвращения измены глубоко укоренившегося в Московском царстве в XVI–начале XVII в., ставшего традиционным института религиозной присяги – «крестного целования». В п. 23 ч. I по этому поводу говорится: «... что б они по своему крестному целованью и з желанием исполнение учинили и молвити им: лутче есть честно умреши, нежели с бесчестьем жити, и так предатися в руже Божии».

¹ По мнению Г.В. Абрамович, перевод был осуществлен с латинского и немецкого языков [14, с. 162].

² Перевод книги И. Вальгаузена «Военное искусство пехоты», немецкое издание которого появилось в 1615 и 1620 гг. [14, с. 162].

Кроме общеправовых вопросов в Уставе был затронут и специальный уголовно-правовой вопрос о наказании за преступление. В пункте 335 части II Устава нашла отражение идея о соразмерности назначаемого наказания совершенному преступлению. Здесь говорилось: «аже буде случится, что пушкарь в притчу падет, или в прегрешенье... пушкарский Голова имеет своего особнаго пристава, тому его доведется по его преступлению наказати, смотря по делу».

Наряду с иностранными «военными книгами» в первой половине XVII в. переводу подвергалась и иная зарубежная литература. Содержащиеся в иностранных книгах знания и технологии использовались для модернизации различных сфер жизни Московского государства.

Есть основания полагать, что в первой половине XVII в. в Москве переводились и юридические источники иностранных государств. Это, в первую очередь, относится к Статуту Великого княжества Литовского (Литовскому статуту) – основному закону соседнего литовско-русского государства. Об этом свидетельствует рукопись Литовского статута, которую в начале XX в. обнаружил и опубликовал И.И. Лаппо [7].

Несмотря на создание в 1569 г. федерации (унии) с Польским королевством и вхождение в состав Речи Посполитой³ Великое княжество Литовское сохраняло свою относительно самостоятельную государственно-правовую систему. Оно имело свою территорию, государственный аппарат, войско, финансы и законодательство, которое составляли Литовский статут, сеймовые постановления и великокняжеские привилегии. Статут был подготовлен на высоком теоретическом уровне квалифицированными правоведами того времени под руководством канцлера Великого княжества Литовского А.Б. Воловича и подканцлера Л.И. Сапеги. По своим юридическим характеристикам Литовский статут выгодно отличался от законов других государств. Утвержденный королем Сигизмундом III 28 января и напечатанный в ноябре 1588 г., он на протяжении 250 лет был действующим законом на территориях Беларуси, Литвы и Украины [17, с. 5; 25].

И.И. Лаппо отнес рукопись перевода к двадцатым или тридцатым годам XVII в.⁴ По его наблюдениям, внешний вид рукописи – богатый и со вкусом сделанный переплет, «тщательность письма» при почти полном отсутствии помарок – «делает московскую рукопись Литовского статута прекрасным образцом книжного рукописного дела в Москве». Рукопись «писана... в большей части одною рукою прекрасного московского скорописца» [24, с. 35].

³ Польш. Rzeczpospolita (Жечпосполита) – буквальный перевод лат. «respublica» – республика: С XV в. традиционное название польского государства, имевшего специфическую форму сословной монархии во главе с выборным королем, власть с которым делила шляхта. После Люблинской унии 1569 г. – официальное наименование федеративного государства, объединившего Польшу («Корону») и Великое княжество Литовское («Княжество» или «Литву»). Существовало до 1795 г. [17, с. 524].

⁴ В литературе высказывались и иные предположения о времени создания рукописи. Так, А.В. Соловьев [16, с. 45] полагал, что рукопись могла быть выполнена для Уложенной комиссии после 16 июля 1648 г., а П.Я. Черных [24, с. 37–39] высказал гипотезу о создании рукописи в 1662 г. Однако, исходя из оценки политико-правовой обстановки Московского государства 20-х и 60-х годов XVII в. и внешних особенностей рукописи предположение И.И. Лаппо представляется более обоснованным.

Как отмечает И.И. Лаппо, текст перевода является в основном «свободным переводом с сокращением одних артикулов и, наоборот, распространением других. Вразумительность перевода и приближение текста Статута к московским порядкам и понятиям выступают отчетливо в работе переводчика, превращая ее в работу редактора» [24, с. 35]. В последующем в 1648 г. текст рукописи «перевода-редакции», как отмечал А.В. Соловьев, мог быть использован при подготовке Уложения 1649 года [16, с. 45].

Не только перевод, но и сам Литовский статут был достаточно хорошо известен в Московском царстве. Еще М. Владимирский-Буданов обратил внимание на «распространенность Статута в XVII в. в Москве в среде лиц, ведавших суд и управление, как показывают описи имущества этих лиц». Далее он писал: «Законодательные памятники Литовско-Русского государства давно обращались в руках юристов-практиков московских. Отношения между двумя государствами не всегда были только враждебные; была между ними и органическая, жизненная связь – общение литературы и права». М.Ф. Владимирский-Буданов обоснованно подчеркивал, что «духовное общение между двумя русскими государствами в особенности усилилось после кровавого и критического столкновения в начале XVII в. между ними... Именно к 20-м и 30-м годам XVII в. нужно отнести и усиление знакомства Московских властей с литовско-русским правом, хотя мы не будем отвергать, что оно началось гораздо раньше» [2, с. 31].

М. Владимирский-Буданов очень точно охарактеризовал значение такого знакомства со Статутом: «Конечно, судья знает, что этот закон чужой...; он пользуется им так сказать для себя, для уяснения себе самому вопроса... На этой первой ступени пользование чужим источником не есть еще рецепция; назовем такое пользование научным; оно (хотя в самой слабой степени) заменяло юридическое образование» [2, с. 32].

2. Уложение было принято Земским собором 1648–1649 гг. Для разработки проекта Уложения была создана специальная комиссия (приказ), в которую вместе с ее руководителем боярином Н.И. Одоевским⁵ входили князь С.В. Прозоровский и Ф.Ф. Волконский, а также дьяки Г. Леонтьев и Ф.А. Грибоедов⁶. По мнению П.Я. Черных, «если Одоевскому как ответственному редактору принадлежало общее руководство деятельностью комиссии, то авторская работа осуществлялась главным образом Грибоедовым» [24, с. 66]. Составление и редактирование Уложения было закончено 29 января 1649 г.

Всего в Уложении было 967 статей, объединенных в 25 глав: (1) о богохулниках и о церковных мятежниках, (2) о государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать, (3) о государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было, (4) о подпщичех, и которые печати подделывают, (5) о денежных мастерах, которые учнут делати воровские денги, (6) о проезжих грамотах в иные государства, (7), о службе всяких ратных людей московского государства, (8) о искуплении пленных, (9) о мытах и о перевозех, и о мостах, (10) о суде, (11) суд

⁵ Современники отмечали выдающиеся организаторские и деловые способности Н.И. Одоевского, а также «основательные познания в славянском языке» [24, с. 55–62].

⁶ В литературе высказано обоснованное предположение о том, что отец дьяка Грибоедова был выходцем из Речи Посполитой [10, с. 211–212].

о крестьянх, (12) о суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян, (13) о монастырском приказе, (14) о крестном целовании, (15) о вершенных делах, (16) о поместных землях, (17) о вотчинах, (18) о печатных пошлинах, (19) о посадских людех, (20) суд о холопех, (21) о розбойных и о татиных делех, (22) указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание, (23) о стрелцах, (24) указ о атаманех и о казакех, (25) указ о корчмах.

Соборное уложение стало актом, в котором воплотились передовые для своего времени достижения юридической техники. Это был систематизированный нормативный правовой акт, разделенный на тематические главы, имеющие достаточно определенный предмет правового регулирования. Уложение стало первым законом, отпечатанным типографским способом, – до него публикация законов заключалась в оглашении их на площадях и в храмах. С рукописного свитка Уложения была сделана копия в виде книги, с которой в течение 1649 г. Уложение было напечатано в количестве 2400 экземпляров [12, с. 76–77].

Анализ Соборного уложения 1649 г. показывает, что в ходе его составления проявились оба отмеченных выше в жизни Московского государства взаимосвязанных направления – как использование для решения поставленных задач собственных, «домашних» источников, так и привлечение иностранного опыта. Об этом свидетельствует, в частности, та роль, которую играл при подготовке Уложения Литовский статут⁷.

Наиболее точно определил значение Статута В.О. Ключевский: «Составители Уложения, пользуясь этим кодексом, следовали ему, особенно при составлении первых глав, в расположении предметов, даже в порядке статей, в подборе казусов и отношений... в постановке правовых вопросов, но ответов искали всегда в своем туземном праве, брали формулы самых норм, правовых положений, но только общих тому и другому праву или безразличных, устраняя все ненужное и несродное праву и судебному порядку московскому, вообще перерабатывали все, что заимствовали. Таким образом, Статут послужил не столько юридическим источником Уложения, сколько пособием для его составителей, давая им готовую программу» [6, с. 129].

Заметное влияние на форму Соборного уложения 1649 г. оказала система Литовского статута. Она выглядела следующим образом: в начале Статут говорил о правах верховной власти (разд. I), затем об обязанностях и правах сословий (разд. II и III), о судеустройстве и судопроизводстве (разд. IV), о семейных правах и опеке (разд. V и VI), о правах обязательственных (разд. VI), о наследстве (разд. VIII), о правах вотчинных (разд. IX и X), и наконец, о праве уголовном (разд. XI–XIV) [2, с. 24–25].

Можно предположить, что подобная последовательность расположения нормативного материала представлялась составителям Уложения наиболее «правильной», современной, обоснованной и логичной, а потому именно эта юридическая технология была реализована ими в проекте Уложения.

А ведь еще в начале XVII в. развитие кодификации московского права мыслилось, вероятно, только как развитие и дополнение системы Судеб-

⁷ По мнению Г.В. Абрамович, перевод был осуществлен с латинского и немецкого языков [14, с. 162].

ников XVI в. Об этом, в частности, свидетельствует составленный 1606–1607 гг. в одном из московских правительственных учреждений так называемый Сводный Судебник [11, с. 479–540], в котором была произведена более отчетливая, по сравнению с предыдущими Судебниками систематизация правовых норм. Отдельные взаимосвязанные правовые предписания, относящиеся к одному предмету регулирования, названы в Сводном Судебнике главами. Главы, в свою очередь, систематизированы (сведены – откуда и название Сводный) по отдельным рубрикам – «граням», каждая из которых была посвящена какому-либо определенному вопросу или целому комплексу вопросов правового характера. В Сводном Судебнике было 25 «граней», некоторые из которых невелики по размерам, другие весьма развернуты и состояли из целого ряда глав [11, с. 39]. Начинаясь он, как и Судебник 1550 г., с норм о судеоустройстве и судепроизводстве (грань 1). Организация нормативного материала Сводного Судебника свидетельствовала о постепенном совершенствовании применяемой в Москве юридической техники. По словам А.А. Зимина, «этот принцип деления законодательного материала впоследствии был использован при составлении Соборного уложения 1649 г.».

В то же время авторы Уложения 1649 г. не стали воспроизводить систему Судебников XVI в. В Соборном уложении, также включившем 25 структурных элементов, названных главами (название «грань» использовано не было), последовательность расположения законодательных норм была иной.

Авторы структуры Соборного уложения не стали воспроизводить и систему известных на Руси памятников византийского права – Эклоги и Прохирона. Оба этих памятника начинаются изложением законов о браке и оканчиваются постановлениями об уголовных наказаниях и о «разделении корысти» (военной добычи). Как отмечал Н.И. Тиктин, «система Уложения имеет очень мало общего как с системой Эклоги, так и с системой других памятников византийского законодательства, входивших в состав наших Кормчих» [19, с. 29]. По этому поводу М.Ф. Владимирский-Буданов точно подметил: «Замечательное дело: комиссии, составлявшей проект Уложения, было указано самой верховной властью, как на первый источник – на постановления апостольския и на византийское право... Мало того: кормчая книга, заключающая себе первые источники, давно считалась действующим законом и действительно применялась по крайней мере в церковных судах... Однако... не ей было суждено стать в ближайшее родство с Уложением. Между тем в Прохироне, и даже в Эклоге можно было найти почти на все вопросы ответы, притом формулированные с большою строгостью формы и зрелостью юридической мысли» [2, с. 21].

Однако, по мнению составителей Уложения 1649 г., система Эклоги и Прохирона не отвечала современным потребностям кодификации московского законодательства середины XVII в.

А.М. Гуляев обратил внимание на то обстоятельство, что система Соборного уложения «до известной степени напоминает систему Юстинианова Кодекса, разумеется, с значительными отступлениями от последней, объясняемыми особенностями русской жизни... Подобно тому как Codex начинается титулами, касающимися веры, церкви и различных сект, так и

Уложение открывается вступительною главою «О богохульниках и церковных мятежниках». Затем как в Codex'e, так и в Уложении, излагаются нормы государственного права; переходною ступенью в обоих памятниках от норм государственного к нормам частного права являются постановления, касающиеся судоустройства...; наконец, как в Codex'e, так и в Уложении, в заключение излагаются нормы уголовного права» [19, с. 29, 30]. В то же время, в деталях оба памятника серьезно различаются. Большая часть Кодекса Юстиниана посвящена частному праву, в Уложении преобладают нормы публичного права. Н.И. Тиктин был прав, утверждая, что «система кодекса перешла в Уложение через посредство Литовского Статута, тем более что в детальном распределении материала последние два памятника имеют большое сходство» [19, с. 30].

Одним из подтверждений этого является месторасположение в системе Уложения норм об уголовной ответственности за посягательства на основы политического строя. Во всех византийских памятниках они расположены в одном из заключительных титулов вместе с иными уголовно-правовыми нормами. В Литовском статуте соответствующие правила закреплены уже в первом разделе, посвященном статусу главы государства и основам государственного строя, тогда как большинство иных уголовно-правовых предписаний помещены отдельно – в последних разделах Статута. Именно такой подход мы наблюдаем и в Соборном уложении 1649 г.

3. Сопоставив последовательность разделов и артикулов Литовского статута с последовательностью глав Соборного уложения, М. Владимирский-Буданов показал, что «составители Уложения решились вполне следовать системе Статута...» [19, с. 30]. Именно поэтому в начале Уложения зафиксированы нормы, посвященные закреплению и охране основ политического строя страны, защите важнейших по московским представлениям XVII в. социальных ценностей.

В то же время по своей системе Уложение «не рабски следует Статуту: усвоив ее в общей скелете... Уложение перерабатывает, а по местам и совсем оставляет ее, где требует того дух московского права» [19, с. 26]. Это проявляется уже в первой главе Уложения «О богохульниках и о церковных мятежниках», статьи которой посвящены, в основном, наказаниям за посягательства на религию и церковь.

Отметив, что в первой главе Уложения нет соответствующего раздела в Литовском статуте, М. Владимирский-Буданов высказал следующее предположение: «присутствие ее в Уложении можно объяснить только особым значением церкви в Московском государстве» [19, с. 7], которое, добавим, особенно возросло в 20–30 гг. XVII в. при великом государе патриархе Филарете – отце царя Михаила Романова.

Составители Уложения стремились еще раз подчеркнуть и закрепить то обстоятельство, что главной обязанностью светской власти Московского царства и ее главы, как следует из титула царь, является защита христианской церкви. Эта обязанность царя вытекала из норм канонического права. Ее приоритет, вероятно, полностью соответствовал представлениям самого царя Алексея Михайловича.

Вместе с тем первая глава Уложения, по сути, исчерпывала круг тех формальных обязательств, которыми могла быть ограничена царская власть.

Уложение 1649 г. явилось первым светским законодательным актом, в котором получили закрепление нормы об ответственности за такие преступления против церкви, как богохульство, церковный мятеж, убийство, нанесение ранений и оскорблений в церкви в момент совершения богослужения [14, с. 141]. С учетом роли православной церкви в Московской религиозно-политической системе А.Г. Маньков обоснованно подчеркивал, что в первой главе Уложения идет речь о преступлениях «политического свойства» [14, с. 141]. Речь, по сути, шла о посягательстве на религию как одну из основ политического строя.

В первую очередь это касалось богохульства. Как отмечал П.В. Лукин, при чтении документов, связанных с государевыми делами, бросается в глаза частое параллельное упоминание русскими людьми понятий «Бог» и «государь» («великий государь»). Порой они настолько сближаются, что превращаются практически в синонимы, а иногда даже в устойчивую формулу «Бог и великий государь» [8, с. 30]. В сознании русских людей XVII в., независимо от их социального статуса, присутствовало представление о «Боге и государе» как о высшей ценности [8, с. 35]. В Уложении предписывалось про богохульство «сыскивати всякими сыски накрепко», чем, по мнению, А.Г. Манькова, законодатели и в процессуальном отношении приравнивали его к преступлениям политического характера» [14, с. 143].

По Уложению «возложение хулы» на Христа, богородицу, «честный крест» или святых угодников могло повлечь за собой смертную казнь через сожжение. Как известно, эта мера по решению Собора 1504 г. применялась к еретикам. Поэтому закрепление в самом начале Соборного уложения статьи о сожжении за богохульство вполне укладывается в русло политики борьбы за укрепление церковного порядка и единообразия, начатой при патриархе Филарете и продолженной его сыном и внуком. При этом понятие «возложения хулы» на практике толковалось довольно широко. Оно охватывало «неверие и оскорбление словами или действиями бога, Иисуса Христа, богородицы, икон и других предметов церковного почитания» [14, с. 142]. По словам А.Г. Манькова, «царская власть брала под защиту закона христианское (православное) вероучение в целом... определяя всякое выступление против него как возложение хулы на бога. Эта емкая формула позволяла подвести под нее любое враждебное церкви религиозное и общественное движение, что и подтвердила в ближайшем будущем история раскола» [14, с. 143].

Московские особенности Уложения 1649 г. проявились и во второй главе, в которой было сосредоточено большинство уголовно-правовых и процессуальных норм, посвященных ответственности за посягательства на основы политического строя страны. И хотя М.Ф. Владимирский-Буданов [2, с. 8] полагал, что эта глава «есть перевод Раздела 1-го» Литовского статута и «лишь немногие статьи ее, не взятые из Статута, составляют дальнейшее развитие и применение заимствованных», такое утверждение представляется излишне категоричным. Во второй главе Уложения нашли закрепление, прежде всего, нормы московского права, которые составители Уложения попытались модернизировать исходя из сложившихся под влиянием литовского правового опыта собственных юридических воззрений. Г.Г. Тельберг подметил, что не «Статутом навеяна была мысль предусмотреть политиче-

ские преступления: скорее можно предположить, что к Статуту обратились тогда, когда сама мысль об этом сложилась у московских кодификаторов». Мысль эта возникла в процессе длительного развития «юридических понятий» и «юридического мышления», в «суровой и шумной грозе недавнего смутного времени» и, наконец, в свежих воспоминаниях «о шумных и кровавых событиях, развернувшихся на улицах столицы накануне самых работ над Уложением» [18, с. 55–57].

Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что глава вторая Уложения по своему содержанию намного уже, чем раздел I Статута. Некоторые нормы Статута вообще не имеют в Уложении своих аналогов. Часть норм раздела I Статута была реципирована не во второй, а в последующих главах Уложения в соответствии со сложившейся в Москве приказной практикой.

Исследователями уже достаточно давно было подмечено, что Уложение «опустило конституционную часть Литовского статута («о вольностях шляхетских» – Разд. III)» [2, с. 22] и не включило норм, которые бы прямо возлагали на царя какие-либо обязательства и ограничения в отношении со своими подданными. Отсутствуют в Уложении и нормы, регламентирующие полномочия верховной власти в сфере правосудия, которые могли бы выступить аналогом артикула 1, а также, частично, артикулов 2 и 4 первого раздела Статута.

В артикуле 1 Великий князь Литовский брал на себя обязательство осуществлять правосудие не произвольно, а только на основе «писаного права», закрепленного в Статуте («тыми одними правы и артыкулы, в том же статуте нижей писаными и от нас даными, судити и справовати маем»). Артикул 2 содержал обязательство «никого не наказывать по заочному обвинению», до рассмотрения дела «на сейме в суде явном в соответствии с порядком судопроизводства и права». Артикул 4 уточнял это положение применительно к делам об «оскорблении величества» («ображенья маестату господарского»): «где кому идет о честь и о горло, таковых шляхту подданных наших нигде индей, одно на сойме великом вальном с паны радами нашими... судити...». Наконец, в артикулах 1 и 4 Статута были фактически закреплены принципы личной ответственности и законности («нет наказания без указания о том в законе»). Глава государства брал на себя обязательство назначать только те наказания, которые были указаны в Статуте, в соответствии с совершенным виновным лицом преступлением: «винные мають быти карани виною, в артыкулах нижей описаных» (арт. 2), «...и подле выступу каждого их тым караньем, яко вышей описано, карати роскажем» (арт. 4).

Подобные положения в Уложении 1649 г. отсутствуют. Они противоречили бы представлениям о царской власти, которые на основе истолкования византийской традиции внедрялись в общественное сознание страны в 20–30 гг. XVII в. усилиями патриарха Филарета.

По Уложению царь не был ограничен в своих личных судебных полномочиях, что соответствовало религиозной традиции. В то же время составители Уложения сделали попытку ограничить полномочия бояр и приказов. Это, в первую очередь, касалось тех дел, по которым приговор мог выноситься в приказах. Соответствующие положения в Уложении были

обособлены в самостоятельных главах, в которых сделана попытка более подробно описать признаки наказуемых деяний, а также виды и размеры наказаний, которые могли быть назначены.

По «великим государевым делам» такая подробная регламентация в московской религиозно-правовой системе была невозможна. В то же время вполне мыслима была регламентация случаев смертной казни за совершенные преступления, так как по христианской традиции лишение жизни расценивалась как крайняя мера, которая не могла применяться произвольно, а только в соответствии с признаваемыми церковью законами. Это не могло не распространяться и на «государевы дела», рассматриваемые Боярской думой. Тем более что в московской судебной практике 20–30-х гг. смертная казнь по соответствующим делам была исключительным, единственным наказанием (дело Шеина). Как представляется, именно поэтому в главе второй Уложения описаны признаки лишь тех преступлений, которые могли повлечь за собой «казнь смертью». На это обстоятельство обособленно обращал внимание Г.Г. Тельберг [18, с. 153].

Иные преступления в этой главе либо упоминались без их детального описания либо подразумевались в статьях процессуального характера. Составители Уложения исходили из того, что признаки этих преступлений хорошо известны и не нуждаются в изменениях. Они были закреплены правовыми обычаями и судебной практикой, поэтому не требовали повторения в Уложении.

Таким образом, создание Соборного уложения 1649 г. представляет собой поучительный опыт сочетания новаторства и консерватизма в модернизации юридической сферы жизни Московского царства. Структура Уложения, его содержание на примере первой и второй главы демонстрируют использование достижений передовых иностранных государств, новых юридических технологий с учетом национальных особенностей при опоре на отечественные традиции. Иностранные юридические приемы во многом были восприняты через изучение и творческую переработку зарубежной литературы, а также ознакомление с иностранной практикой. При этом применяемые юридические формы наполнялись содержанием, соответствующим потребностям и традициям Московского государства. Для государственных деятелей и служащих Московского царства ознакомление с иностранными источниками восполняло недостаток систематического юридического образования.

Уложение на длительный период закрепило основы политического строя и законодательства России. Оно оставалось действующим нормативным правовым актом на протяжении двухсот лет. В XIX в., на новом этапе систематизации российского права, Уложение было опубликовано в самом начале Полного собрания законов Российской империи.

Литература

1. *Верховский К.* Источники Уложения царя Алексея Михайловича // Юридический вестник. 1889. Т. 3. Кн. 3. С. 369–388.
2. *Владимирский-Буданов М.* Отношения между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича (По поводу «Истории Кодификации» С.В. Пахмана. СПб., 1876) // Сборник государственных знаний. Т. IV. Раздел «Критика и библиография». СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1877. С. 3–38.

3. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 640 с.
4. *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2-х т. Т. 1. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1909. 533 с.
5. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли / Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Александрова. М.: Правда, 1991. 624 с.
6. *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9-ти т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М.: Мысль, 1988. 414 с.
7. *Лаптев И.И.* Литовский статут в московском переводе – редакции XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. Кн. 2. СПб., 1914. С. 209–235.
8. *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 296 с.
9. *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / Гос. публич. ист. б-ка России. 2-е изд., испр. М.: ГПИИБ, 2003. 369 с.
10. *Магнер Г.И.* О «Духе времени» и «Государственный быт России»: (Грибоедов как историк русского права) // Проблемы творчества А.С. Грибоедова / РАН. Отд-ние лит. и яз., Пушкин. комис.; Отв. ред. С.А. Фомичев. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. С. 204–230.
11. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. 632 с.
12. Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 3. Акты Земских соборов. М.: Юрид. лит., 1985. 512 с.
13. *Савченко Д.А.* Ответственность за государственные преступления в Московском царстве первой половины XVII века. Новосибирск, 2013. 147 с.
14. Соборное уложение 1649 года: Текст, коммент. / АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние; Подгот. текста Л.И. Ивина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. 448 с.
15. *Соловьев С.М.* История России. Т. 12. СПб., 1851–1879.
16. *Соловьев А.В.* Вновь открытый московский перевод Литовского статута // Исторические известия. Кн. 1. 1917.
17. Статут Великого княжества Литовского 1588: Тексты. Справ. Коммент. Минск, 1989. 573 с.
18. *Тельберг Г.Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. 342 с.
19. *Тиктин Н.И.* Византийское право, как источник Уложения 1648 года и новоуказных статей. Одесса: Тип. Штаба окр., 1898. 227 с.
20. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года: учеб. пособие для высш. шк. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
21. *Томсинов В.А.* Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича. М., 2011. С. 1–51.
22. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, в 2-х частях: Ч. 1. СПб., 1777. 236 с.; Ч. 2. СПб., 1781. 231 с.
23. *Флетчер Д.* О государстве русском. СПб., 1905. XXII, 138 с.
24. *Черных П.Я.* Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 375 с.
25. *Чехович В.А., Усенко И.Б.* Роль III Литовского статута в политической борьбе вокруг проблем кодификации дореволюционного права Украины // Третий Литовский статут 1588. Вильнюс, 1989. С. 96–105.

Bibliography

1. *Verhovskij K.* Istochniki Ulozhenija carja Alekseja Mihajlovicha // Juridicheskij vestnik. 1889. Т. 3. Кн. 3. Р. 369–388.

2. *Vladimirskij-Budanov M.* Otnoshenija mezhdru Litovskim Statutom i Ulozheniem carja Alekseja Mihajlovicha (Po povodu «Istorii Kodifikacii» S.V. Pahmana. SPb., 1876) // Sbornik gosudarstvennyh znaniy. T. IV. Razdel «Kritika i bibliografija». SPb.: Izd. D.E. Kozhanchikova, 1877. P. 3–38.
3. *Vladimirskij-Budanov M.F.* Obzor istorii russkogo prava. Rostov-na-Donu: Feniks, 1995. 640 p.
4. *Kapterev N.F.* Patriah Nikon i car' Aleksej Mihajlovich. V 2-h t. T. 1. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoj Lavry, 1909. 533 p.
5. *Kljuhevskij V.O.* Istoricheskie portrety. Dejатели istoricheskoy mysli / Sost., vstup. st. i primech. V.A. Aleksandrova. M.: Pravda, 1991. 624 p.
6. *Kljuhevskij V.O.* Sochinenija. V 9-ti t. T. 3. Kurs russkoy istorii. Ch. 3. M.: Mysl', 1988. 414 p.
7. *Lappo I.I.* Litovskij statut v moskovskom perevode – redakcii XVII v. // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. Kn. 2. SPb., 1914. P. 209–235.
8. *Lukin P.V.* Narodnye predstavlenija o gosudarstvennoj vlasti v Rossii XVII veka. M.: Nauka, 2000. 296 p.
9. *Man'kov A.G.* Ulozhenie 1649 goda – kodeks feodal'nogo prava Rossii / Gos. publich. ist. b-ka Rossii. 2-e izd., ispr. M.: GPIB, 2003. 369 p.
10. *Magner G.I.* O «Duhe vremeni» i «Gosudarstvennyj byt Rossii»: (Griboedov kak istorik russkogo prava) // Problemy tvorchestva A. S. Griboedova / RAN. Otd-nie lit. i jaz., Pushkin. komis.; Otv. red. S. A. Fomichev. Smolensk: TRAST-IMAKOM, 1994. P. 204–230.
11. Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 4. Pamjatniki prava perioda ukreplenija Russkogo centralizovannogo gosudarstva. HV–HVII vv. / Pod red. L.V. Cherepnina. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoy literatury, 1956. 632 p.
12. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9-ti t. T. 3. Akty Zemskih soborov. M.: Jurid. lit., 1985. 512 p.
13. *Savchenko D.A.* Otvetstvennost' za gosudarstvennye prestuplenija v Moskovskom carstve pervoj poloviny XVII veka. Novosibirsk, 2013. 147 p.
14. Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Tekst, komment. / AN SSSR. In-t istorii SSSR. Leningr. otd-nie; Podgot. teksta L.I. Ivina. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1987. 448 p.
15. *Solov'ev S.M.* Istorija Rossii. T. 12. SPb., 1851–1879.
16. *Solov'ev A.V.* Vnov' otkrytyj moskovskij perevod Litovskogo statuta // Istoricheskie izvestija. Kn. 1. 1917.
17. Statut Velikogo knjazhestva Litovskogo 1588: Teksty. Sprav. Komment. Minsk, 1989. 573 p.
18. *Tel'berg G.G.* Oчерki politicheskogo suda i politicheskikh prestuplenij v Moskovskom gosudarstve XVII veka. M., 1912. 342 p.
19. *Tiktin N.I.* Vizantijskoe pravo, kak istochnik Ulozhenija 1648 goda i novoukaznyh statej. Odessa: Tip. Shtaba okr., 1898. 227 p.
20. *Tihomirov M.N., Epifanov P.P.* Sobornoe ulozhenie 1649 goda: ucheb. posobie dlja vyssh. shk. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. 444 p.
21. *Tomsinov V.A.* Sobornoe ulozhenie 1649 goda kak pamjatnik russkoj jurisprudencii // Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Zakonodatel'stvo carja Alekseja Mihajlovicha. M., 2011. P. 1–51.
22. Ustav ratnyh, pushechnyh i drugih del, kasajushhihsja do voinskoj nauki, v 2-h chastjah: Ch. 1. SPb., 1777. 236 p.; Ch. 2 SPb., 1781. 231 p.
23. *Fletcher D.* O gosudarstve russkom. SPb., 1905. XXII, 138 p.
24. *Chernyh P.Ja.* Jazyk Ulozhenija 1649 goda. Voprosy orfografii, fonetiki i morfologii v svjazi s istoriej Ulozhennoj knigi. M.: Izd-vo AN SSSR, 1953. 375 p.
25. *Chehovich V.A., Usenko I.B.* Rol' III Litovskogo statuta v politicheskoy bor'be vokrug problem kodifikacii dorevoljucionnogo prava Ukrainy // Tretij Litovskij statut 1588. Vil'njus, 1989. P. 96–105.